

УДК 930.1 (438)

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-17-26

УЗУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ В ТРАДИЦИИ ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКОЙ И ПОЗНАНЬСКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ. ПОНЯТИЕ СОБЫТИЯ

В. Вжосек

Университет им. Адама Мицкевича, 61-712, Польша, Познань, ул. Венявского, 1
wrzosekster@gmail.com

Анализируется прагматическая методология, развиваемая Казимиром Айдукевичем, Тадеушем Котарбинским и другими философами львовско-варшавской школы. Эта методология постулирует анализ конкретных исследовательских практик в качестве методологического ориентира эмпирических наук. Признавая приоритет логического и семиотического анализа в метанаучной рефлексии для формальных и точных наук, указанные исследователи выдвигают идею важности анализа понятий в эмпирических науках. Данные опыта, положения, выведенные из наблюдений, не составляют исключительной базы для обоснования формулируемых утверждений. Выявление и анализ понятий, используемых эмпирическими, в том числе социально-гуманитарными науками, представляют собой специфическое течение философии науки – прикладную методологию (в терминологии Казимира Айдукевича). Язык логики и семиотики (последняя понимается как логический анализ языка) определяет предпосылки эпистемологических рассуждений, реализуемых наукой. Примером такого подхода являются аналитические работы Айдукевича, а в рамках познаньской школы – Ежи Кмиты. Проблема заключается в том, насколько понятийный контекст номинала события определяет понимание стоящей за ним реальности. Важную проблему составляет толкование значения самого термина «событие», поскольку понятие определяет понимание реальности или ее фрагмента. Совокупность понятий, создающая понятийную схему, указывает и на то, что может быть использовано в качестве эмпирической базы исследования. В итоге определяется, каким образом гуманитарии, в том числе историки, будут обосновывать свои утверждения. Средства обоснования в господствующей методической практике исторических исследований являются так называемые «источники», то есть информационные данные, используемые как данные источников.

Ключевые слова: львовско-варшавская методологическая школа, познаньская методологическая школа, методология науки, прикладная методология, историческое мышление, понятие «событие», событийная историография, контрфактографическая историография.

В этой статье я хочу обратить внимание на некоторые черты методологии науки как формы научной рефлексии, сформировавшейся в рамках львовско-варшавской школы и развитой в методологии гуманитарного знания и наук о культуре в познаньской методологической школе учениками ректора Познаньского университета (1948–1952) Казимира Айдукевича. В период его работы в Познани (1945–1952) он собрал вокруг себя ученых, которые на протяжении нескольких лет после его смерти продолжили исследовать ту проблематику, которая стала самой репрезентативной для школы.

К наследию львовско-варшавской школы принадлежит понимание необходимости метафилософской, а затем и метанаучной рефлексии. В этой связи можно заметить, что научное мышление вплетено в контексты предпосылок и следствий. Последние становятся, в свою очередь, предпосылками появления очередных концепций, новых познавательных практик. В те времена, когда познаньская методологическая школа переживала свой расцвет, когда на пике своей славы были мои учителя – Ежи Кмита и Ежи Топольский, понимание роли метанаучной и методологической рефлексии было уже вполне ясным. Ежи Кмита и Ежи Топольски творчески использовали основные достижения Казимира Айдукевича. Его присутствие в познаньском сообществе способствовало появлению целого поколения учеников,

которые продолжали развивать идеи львовско-варшавской школы в теории познания и методологии. Мы все участвовали в проводимых ими семинарах, встречались на поле общей для них метанаучной рефлексии. Метарефлексия, теория гуманитарного познания, а также методология гуманитарного знания были той платформой, которая независимо от теоретических предпочтений позволяла приходиться к согласию многим теоретически мыслящим представителям гуманитарных наук.

Методология науки – это главный, по мнению Яна Воленского, вид философской деятельности в львовско-варшавской школе [Woleński, 1985, s. 255]. Методология в отличие от метанауки, занимающейся идеальной наукой, как мы сказали бы сегодня, в формальной перспективе – это рефлексия, позволяющая принимать во внимание свой субъективный аспект. Казимир Айдукевич признавал методологию социальных и гуманитарных наук и, более того, методологию науки *tout court* – гуманитарными дисциплинами. Эту антинатуралистическую и вместе с тем антипозитивистскую установку мы находим уже у отца-основателя школы Казимира Твардовского. Этому способствовал, конечно, популярный тогда психологический контекст, в котором развивалась теория познания, но также темперамент и образование польского философа.

Среди философов точных наук, позднее ставших *de facto* метаматематиками, логиками, формальными логиками (Ян Лукасевич, Станислав Лешневский, Альфред Тарский), а также философами естествознания (Зигмунд Завирский, Владислав Витвицкий, Станислав Лемпицкий), возникла группа философов, занимающихся гуманитарными и социальными науками. Называя эти научные специальности, я не имею в виду таких выдающихся, пользующихся мировой известностью львовских математиков, как Стефан Банах, Гуго Штейнгауз, Казимеж Куратовский.

Методология науки, по мнению Казимира Айдукевича, Тадеуша Чезовского, Тадеуша Котарбинского, – это дисциплина, в которой наука рассматривается не столько как совокупность утверждений, подчиняющихся логике, сколько как субъективная по своей сути форма познания, обусловленная принадлежностью к определенному сообществу, культурой и социальным контекстом. Из занятий философией науки и философией языка, проводимых львовско-варшавской школой в духе венского кружка и аналитической философии, возникла та методология науки, которая сегодня стала представлять собой методологию гуманитарного знания и/или методологию наук о культуре.

Идея науки как элемента культуры была сформулирована в концепции Оссовских. Наиболее же ясное выражение в польской науке она нашла в творчестве Флориана Знанецкого, работавшего в Познаньском университете. Для типа мышления, представленного львовско-варшавской школой, характерно понимание познания как акта человеческого субъекта или исследовательского сообщества, а также того, что этот акт является в «познаньской перспективе» скорее пониманием, чем объяснением (как это позднее было принято в методологии науки под влиянием неопозитивизма К.Г. Гемпла, К. Поппера и его сторонников).

Поскольку познавательный акт в методологии Айдукевича также понимался как акт, совершаемый человеческим субъектом, в центре внимания оказались аспекты, связанные с признанием и обоснованием утверждений. В той же мере методологическая интерпретация рассматривалась именно в качестве акта методологического.

В этом контексте возникали условия для интерпретации научной деятельности и ее результатов. Такое понимание мы обнаруживаем во многих текстах Айдукевича. Науку и методологию науки можно понимать и как деятельность, и как результат деятельности. Именно такой подход стал доминирующим в познаньской школе.

В методологии обеих традиций важную роль играет анализ понятий. В последнее время развитие этого направления ассоциируется с творчеством Рейнхарда Козеллека [Koselleck, 2001, s. 27–49]. Однако мы будем придерживаться несколько иного взгляда на интерпретацию понятий. В традиции польской методологии науки, связанной с львовско-варшавской и познаньской школами, анализ понятий основывается на процедуре, характерной для логического или семиотического анализа, как его определяет Айдукевич. Определение того, какие понятия являются основными для данного языка или научной дисциплины, упорядочивает понимание всего остального в этой дисциплине.

Рассмотрим, как прагматическая методология, анализирующая исследовательскую деятельность, раскрывает сущность узуальных терминов. К. Айдукевич обращал внимание, например, на то, что «слово ‘тело’ вошло в повседневный язык не через дефиницию. Оно принадлежит к числу так называемых узуальных терминов, которые мы научились понимать посредством того, что научились ими определенным способом пользоваться» [Ajdukiewicz, 1948, s. 337].

Эмпирические науки в понимании обеих школ спонтанно на протяжении своего развития присваивают некоторые термины как узуальные (характерные, типичные, свойственные) для них. Здесь уместно привести еще одну мысль К. Айдукевича: «Действия, из которых состоит занятие наукой, можно поделить на две группы: первая охватывает те действия, которые приводят к формированию языка данной науки и связанного с ним понятийного аппарата <...> В отношении обоих этих видов действий можно ставить вопросы протокольного, дескриптивного, а также нормативного характера. Можно поэтому, во-первых, спрашивать о том, каким образом мы фактически учимся понимать слова и приобретать таким образом понятия, которые им соответствуют, а также каким образом мы фактически доходим до признания определенных утверждений» [Ajdukiewicz, 1985, s. 121–122].

Выберем для анализа одно из многих возможных понятий, опираясь на положения монографии Томаша Фальковского [Falkowski, 2013], включенные в перспективе в мои методологические принципы, а именно основополагающее для традиционной политической истории и исторической политики понятие исторического события.

Историческое событие, как и многие другие понятия такого рода: исторический источник, исторический факт, исторический процесс, историческое явление, историческое время, генезис, историческая наррация и др. – принадлежит к основному набору категорий исторического мышления [Ossowska, Ossowski, 1935, S. 11–12]. Здесь необходимо сделать уточнение. В сфере метарефлексии по поводу исторических наук или, шире, исторической культуры находится тот метафизический универсум, каким является историческое мышление. Я причисляю себя к тем авторам, которые рассуждают о мышлении вообще и при этом делают из него посредника между мыслящим субъектом (коммуницирующим, нарративизирующим мир) и миром, то есть тем, что в акте мышления/коммуникации находится перед ним или за ним. Я пользуюсь достижениями прежде всего тех ученых, которые пользуются этой категорией тогда, когда формулируют свои тезисы о мире. В особенности значимыми для меня являются в этом отношении Мартин Хайдеггер, Ханна Аренд, а также такие российские мыслители, как Александр Пятигорский, Борис Успенский, Мераб Мамардашвили. Недавно я наткнулся на высказывание, которое представляется мне соответствующим характеру моего мышления. Один из «крестных отцов» тартуско-московской школы, А. Пятигорский, так определил место философии и роль философа в контексте пространства мышления: «Философия в принципе – и это блестяще понимал Лейбниц (хотя это прекрасно понимал и Спиноза) – занимается не предметом, каков бы он ни был, а мышлением о предмете. Философия постигает свой конкретный предмет, любое конкретное содержание только через мышление о нем, собственное мышление философа прежде всего. Философ – это философствующий сначала над своим собственным мышлением и только потом – над тем, о чем он мыслит, и над другими мышлениями» [Пятигорский, 2017, с. 8].

Историческое и гуманитарное наследие оставило нам множество рефлексий об основных фигурах исторического мышления. Для историков событие скорее является аксиоматичным исходным пунктом. Событие есть, и этого достаточно. Историки обычно воспринимают смысл события как молчаливый, самоочевидный из контекста. Исключением являются те из них, которые заражены «бациллой» метарефлексии. Таким историкам, как Фернан Бродель или Поль Вен, сопутствуют Мишель Фуко или такие философы, как Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Робин Коллингвуд, Раймон Арон, Поль Рикер¹. В результате событие, в том числе историческое, может быть помещено практически в любой контекст интерпретации.

Уже то, что термин «событие» снабжен таким прилагательным, как *историческое*, дает нам подсказку в определении того, к какой области явлений оно принадлежит – к миру минувшего положения вещей. Независимо от существования множества возможных способов рефлексии для меня наиболее интересным оказывается представление о том, что историческое

событие понимается либо в духе натуралистического реализма, то есть как 1) элемент, ингредиент, атом исторической реальности или же как 2) единица категоризации (языковой, нарративной, дискурсивной) так или иначе понимаемой реальности прошлого.

Проще говоря, событие принадлежит или к сфере *res gestae*, или к *historia rerum gestarum*. Или же в плане рефлексии мы принимаем (инстинктивно или сознательно), что событие является единицей признаваемой нами реалистической онтологии. Мы просто полагаем, что прошлое состоит из событий, и событие для нас появляется как таковое тогда, когда мы мысленно структурируем реальность прошлого именно как событийную.

Может показаться, что выбор того или иного подхода к размышлению по поводу события является стилистическим вопросом. Можно придерживаться языковой стилизации или предметной, когда мы ставим какую-то проблему. Мало того, можно сказать, что это вопрос темперамента, чтобы не сказать, что это вопрос социализации и образования, в том числе профессиональной специализации – принятия той или иной культурной модели², под влиянием которой мы склоняемся к спонтанному мышлению в том или ином духе.

И тут, наконец, наступает «радостный» момент для многих скептиков по отношению к идее продуктивности рефлексий историка. Рассматривая даже поверхностно спектр размышлений об историческом событии, мы замечаем, что он может удовлетворить практически любые ожидания и позволить ответить на любые, как поставленные, так и возникшие, вопросы на тему события. Можно делать любой подходящий для конкретного историка выбор. Практически каждый из нас может найти контекст, позволяющий лучше понять историю как искусство упорядочивания представлений о прошлом.

Выбор одной из двух названных фундаментальных опций (атом реальности или единица категоризации) влияет на рассматриваемый нами вопрос. Чтобы воспользоваться выработанной рефлексией об историческом событии, надо принять к сведению, что в связи с «лингвистическим поворотом», «нарративным поворотом» и другими переменами в современном гуманитарном знании³ представляется основополагающим принятие конструктивистской перспективы как такой, которая успешно вбирает в себя результаты современной рефлексии по поводу истории и историографии⁴. Она позволяет поддерживать диалог с теми, кто исповедует натуралистический реализм, избегая фундаментализма, то есть в такой форме, которая делает возможным взаимопонимание с исследователями, придерживающимися реализма исторического.

Согласно историческому реализму экзистенциальные суждения, определяющие смысловую структуру реальности, подвержены изменениям. Происходят они и тогда, когда название какого-либо состояния вещей не меняется. Мы обычно признаем, что все элементы объективного человеческого мира могут подвергаться изменениям. Так называемые универсалии имеют свое историческое воплощение, да и сама идея универсальности подвержена трансформациям.

В этом смысле все больше оснований полагать, что ключевой для понимания столь часто употребляемого понятия «историческое событие» является не одна, а сеть категорий, контекстуально определяющих смысл его конкретного использования.

Трудно выделить все возможные смысловые контексты категории «историческое событие». Можно лишь попытаться указать на те нетривиальные значения, которые могут обогатить наше понимание прошлого и способ его концептуализации.

Начнем с важной фразы Поля Вена. Французский историк, исследователь древней культуры и историографии указывает на ядро смысла события, основанного на различии (*événement différentiel*): «Когда историк берется за крестьян Ниверне или римских вольноотпущенников, то он первым делом стирает неповторимость каждого из них, раскладывает их на специфические данные, которые перераспределяются по разным *items* (уровень жизни, супружеские обычаи изучаемой группы); вместо соположения биографий мы получаем соположение *items*, совокупность которых составляет "жизнь крестьян Ниверне". Тот факт, что эти крестьяне ели и имели пол, в лучшем случае обойдут молчанием, поскольку это оставалось неизменным. А чтобы показать, в какой мере мы пишем историю природных явлений и почему мы пишем не столько ее, сколько историю человеческих явлений, достаточно все тех же двух критериев – специфичности и отличия. <...>. Историк не станет рассказывать обо всех обедах и ужинах каждого человека, останавливаясь на каждом из них, поскольку эти трапезы <...> будут объединены в *items*, совокупность которых составит кулинарные обычаи всех цивилизаций. Историк не станет так-

же говорить: "Человек ест", поскольку это не является отличительным моментом, событием (*événement différentiel*)» [Вен, 2003, с. 75].

«Чем же является *item*?» – спрашивает Фальковский и от имени Вена отвечает: «Это историческое явление, находящееся между единичным событием и антропологической константой, это нечто, выделенное на основе двух критериев: специфичности и различия, это разновидность абстракции, сконструированной из черт, являющихся характерными, хотя и повторяющимися постоянно в индивидуальных данных» [Falkowski, 2013, s. 277].

Приведенные цитаты позволяют получить представление о том, как игра абстракций входит в понимание события, которое по причине своей тривиальности и рутинности, а также повторяемости или типичности составляет *антропологическую* (говорит Фальковский), а я добавлю – *историческую, константу*. Исходя из нее можно обнаружить в серии исторических событий осмысленность. Обобщение, которое создает из рутинной повседневности надындивидуальный опыт.

В свою очередь, то, что является неповторимым, особенным, редким, уникальным, характерным для данного времени, французский специалист по древней истории определяет термином *bibelot* (безделушка, артефакт). По Вену, в каждом натуралистическом объекте такого типа, в каждой «медицине», каждом «государстве» или каждой «религии» нужно искать редкую, специфическую, характерную только для данного времени и лишённую твердого ядра историческую форму, исторический объект, нечто, что метафорически характеризуется им как «*bibelot*» [Falkowski, 2013, s. 275]. Он сосредоточивается на том измерении событийности, которое образует ее вторую сторону, – в ней подчеркивается *itemis*.

Вен, как и Фуко, создали отдельные миры анализа события. Мы не сможем тут даже кратко представить их. Я предлагаю заняться реконструкцией исторического мышления только вокруг категории *événementialisation* [Foucault, 1994, p. 23–25]. Под ней Фуко понимает аналитическую процедуру, которая состоит из четырех взаимосвязанных аспектов. Одним из них является приверженность следующему постулату: «Там, где было бы соблазнительно сослаться на какую-нибудь историческую константу или антропологическую черту, или на что-то, что таким же образом присуще всем, нужно выявить существование определенной 'сингулярности'» [Foucault, 1994, p. 23]⁵. Мы видим различие Вена и Фуко: там, где специалист по древней истории искал бы константы и длительности, философ, его интеллектуальный союзник, стремился бы обнаружить в *événementialisation* уникальность и неповторимость.

В этом разночтении сохранилось эхо бурного спора между старыми, классическими, историками, сторонниками традиционной историзирующей истории, и новыми историками, противниками событийной истории. Первые были бы за то, чтобы признать событие в качестве онтологического атома истории, эмпирической основы исторического исследования, а рассказ о событиях – сутью историографии. Вторые, как помним, когда мы болели за Броделя и его союзников по сциентизации истории, отвергали событие как иллюзорную реальность, ее эфемериду, которая быстро проходит, не оставляя в реальности никаких существенных следов. Пренебрежение же событием было отказом от позитивистской, фактографической, дескриптивной, идеографической истории, истории эрудитов и архивистов, но также оно было и движением в направлении создания истории как социальной науки / *science sociale*, истории номотетической, процессуальной, структуральной, или, как я бы предпочел ее называть, системной. Мы все помним эти дискуссии «за» и «против» истории à la Бродель и против традиционной историографии [Вжосек, 2012; Wrzosek, 2017, p. 113–120].

«Необходимо заняться тем аспектом мира, который существует, движется и меняется медленно», – провозглашали сторонники новой истории. То, что обеспечивает устойчивость исторической идентичности региона, эпохи, процесса, а именно реальность *la longue durée, tres longue durée*, которая является *presque immobile*, или, как определил это в своей инаугурационной речи в Коллеж де Франс Эммануэль Ле Руа Ладюри, *Histoire immobile* [Le Roy Ladurie, 1974, p. 673–692].

И у Фуко мы видим сходное понимание события, основанное на его неповторимости, но и на уникальности акта *événementialisation*⁶, который включает в себя не только сингулярность и полиморфизм факторов, но и «генеалогические поиски, то есть обнаружение игры сил, стра-

тегий, связей, поддерживающих и блокирующих элементов, которые привели к тому, что возникло как нечто естественное или неизбежное» [Falkowski, 2013, S. 158].

Возможно, в критике события как того, что несет ответственность за фактографичность историографии, а также в стремлении пересмотреть понимание события в его историческом своеобразии в пользу признания его повторяемости мы дошли до слишком радикальных решений. До пренебрежения им или даже до игнорирования события в процессе создания образа прошлого⁷.

Номологичность историографии должна была компенсировать отказ от событийности в пользу процессуальности. Крайности критики «анналистами» и их сторонниками событийной истории вызвали обратную реакцию – «возвращение к событию» и отказ от доктрины неклассической модернистской историографии в пользу исторической антропологии и микроистории. Сегодня я бы сказал, что несобытийная (*neoévénementiel*) историография есть возвращение к событию, но уже в форме, обогащенной опытом историографии XX в. Я бы хотел обратить внимание еще на несколько очевидных вопросов. В частности, проблема, которую Фуко называет генеалогической. Этот термин он использует наряду с Дж. Нисбетом для определения генезиса как *origine* (как у М.Блока), так и генетической связи, соединяющей события с комплексом иных анализируемых исторических состояний вещей, о чем может идти речь в приведенном здесь определении французского философа⁸.

Историческим событием становится такое историческое положение вещей, которое приобрело – в контексте исторического знания – *événementialisation* (статус события). Этот процесс основан на 1) критическом дистанцировании от смысловой очевидности по модели «есть так, как есть»; 2) нахождении для него генеалогического контекста; 3) проведении *каузальной демультимпликации*; 4) обнаружении *полиморфизма факторов*, вызывающих событие [Foucault, 1998, p. 24–25].

На чем основан в сущности эффект *événementialisation*? Если можно было описать его в моих категориях, то это звучало бы так: на историзации, на локализации в контексте исторического знания, в котором историческое положение вещей находит исторический смысл. Положение вещей обретает смысл, с чем согласился бы кроме прочих и Йорн Рюзен. Речь не идет о смысле, который является культурно или исторически рефлексорным, когда, отвечая на вопрос «Чем это является?» или «Кем является кто-то?», мы спонтанно приписываем ему привычный нам смысл по той модели, которую П. Вен определил формулой «есть как есть». Скорее речь идет о комплексной рефлексии понимания данного положения вещей как исторического события. Вен хочет отбросить напрашивающиеся стандартные ассоциации с определенными значениями, навязывающими понимание события силой очевидности, смысловые стереотипы, возникающие даже у историков из интерпретативного жеста модернизирующей или презентистской интерпретации.

В упомянутой критике историзирующей истории не всегда справедливо обвинение ее в том, что она в основе своей бессмысленна. Критика исходит из того, что в этом типе истории якобы события и происшествия трактуются как номинальная информация. Критики ставили в упрек школьному и академическому образованию, построенному в соответствии с принципами фактографического метода исследования и обучения, нерелексивное отношение к прошлому. Принято считать, что оно основано на нагромождении информации ради информации. Чем большим объемом данных располагает вдохновленный такой ментальной опцией историк, ученик или студент, тем более серьезным знанием он, якобы, располагает. Номинальная информационная эрудиция заменяет эрудицию как знание, дающее понимание прошлого. Напомню, что против такой дескриптивной истории выступали сторонники новой истории уже более 100 лет назад. Однако и сегодня во многих святилищах академического знания распространено восхищение учеными и преподавателями, обладающими способностями запоминать огромный массив событий прошлого. Событий, определяемых в соответствии с доминирующим в событийной историографии набором вопросов: «Кто? Что? Где? Когда?» Уже этих параметров было бы достаточно, чтобы квалифицировать определенное положение вещей как историческое событие. Если только этот *Кто-то* был *Индивидуальным действующим субъектом* (ИДС в моей терминологии и «*Handlungseinheit*» у Козеллека), то вопрос представляется простым. Что-то было после этого *Чем-то*, получало бы статус исторического события.

Координация субъекта с объектом, являющаяся следствием активности субъекта, создавала основу для введения в действие процедуры гуманитарной аргументации. Познаньская школа уже с конца 1960-х гг., продолжая традиции львовско-варшавской философско-логически-математической школы метанаучных исследований, начала работу в области анализа логико-методологических оснований гуманитарного знания в духе западной сциентистской философии науки, стремясь в том числе обосновать научный статус гуманитаристики.

В ходе исследований оказалось, что постулаты, на которых основаны гуманитарные методы интерпретации культурных явлений и из которых вытекают методы исследования, подобны тем, что признаются в естественнонаучной методологии. Более того, оказалось, что гуманитарные науки вписываются в метанаучную рефлексию о «науках о духе» и принципы антинатуралистических методологий.

Концепция гуманитарной интерпретации, созданная Ежи Кмитой в совместной с Лешком Новаком работе «*Studia nad teoretycznymi podstawami humanistyki*», а также в монографии Кмиты «*Z metodologicznych problemów interpretacji humanistycznej*», инициировала целую серию работ, посвященных логико-методологическому изучению процедур, которые подвергались логической реконструкции с целью моделирования этих практик в виде логических и рациональных алгоритмов [Kmita, Nowak, 1968; Kmita, 1971; Wrzosek, 1990]⁹. В результате развития новой метанаучной дисциплины, а именно методологии гуманитарного знания, была сформулирована ключевая проблема в форме вопроса о том, вписывается ли гуманитаристика со своими научными амбициями в науковедческие и методологические стандарты естественных наук или же она обладает спецификой, которая ощущается хотя бы в силу интуитивного контакта с гуманитарными нарративами и которая отличает ее от науки типа science процедурами, не столько объясняющими, сколько интерпретативными.

В уже упомянутой монографии Кмиты, как и в более поздних работах корифеев познаньской методологической школы – Лешека Новака и в особенности одного из создателей мировой методологии истории Ежи Топольского, а также их учеников и идейных продолжателей, гуманитарная интерпретация стала ключевой процедурой, отличающей гуманитарное знание от естествознания. Своего рода *differentia specifica*.

Отсылая читателя к обширной литературе, демонстрирующей богатство возможностей, которые дает анализ исследовательских практик в области гуманитаристики в плане гуманитарной интерпретации, я продемонстрирую несколько следствий, важных для понимания исторического события именно с этой точки зрения.

Допустим, мы соглашаемся с тем, что центр тяжести анализа, осуществляемого историографией, в особенности историографией событийной, называемой мною классической, – это интерпретация событий *актантом, действующим субъектом*, которым является обычно неанонимный субъект. Заметим, что многие исторические события имеют своих авторов, исполнителей, творцов. Они возникают уже в названии события как ответ на самый элементарный вопрос: чем является данное событие? Обозначая даже предварительно его основной исторический смысл, короче говоря, называя его, наша мысль практически одновременно с обозначением того, *что* случилось, спрашивает о том, *кто* за это событие, скажем так, исторически ответственен? Конечно, очевидно, что речь идет обычно об ответственности в понимании совершения акта, осуществления чего-то.

Заметим, что определенным событиям, то есть таким, которые в соответствии с тем, что мы знаем о них, являются результатами индивидуальных действий субъектов, мы сразу почти рефлекторно приписываем совершающего их субъекта, автора действия, приводящего к данному событию как результату его действия. Не будем забывать, что таким событием может быть то самое действие единичного субъекта. Если действующим субъектом является неанонимное лицо, исполнитель определенной социальной (исторической) роли (правитель, предводитель, законодатель, художник) или же антропоморфный субъект (государство, народ, этнос, религиозная группа), то он немедленно ассоциируется с событием, поскольку, например, это «она» (Венеция) предала Испанию в войне с Турцией, потому что Германия начала войну с Польшей в 1939 году, и т.д. Короче говоря, историческое событие в классическом его понимании имеет четыре параметра, его характеризует четыре вида данных, назовем их номинальными. Это ответы на вопросы: Кто? Что? Где? Когда? [Вжосек, 2012, с. 173–175].

Ответы на эти вопросы необходимы для определения основного смысла события, то есть такого смысла события, которое имеет своего субъекта, человека из крови и плоти или же антропоморфного исторического субъекта типа «Россия», «Франция», «евреи», «протестанты», «парламент». Названием этого события является ответ на вопрос о том, что произошло, а также указание на время и место произошедшего. Историческое событие должно быть соотнесено с этими четырьмя параметрами. Событийная историография – это ряд идущих гуськом в триаде «прошлое–настоящее–будущее» соединенных генетической связью событий.

Как уже говорилось, критики событийной истории, доводя до карикатуры описание фактографической истории, забывают или упускают из виду, что исторические события в классическом историческом нарративе локализованы в контексте других событий. Они с ними, как известно, связаны по крайней мере генетически [Kmita, 1971, s. 103–137]. Генетические последовательности подвергаются предварительной селекции событий в рамках определенных фабул, а те, в свою очередь, встраиваются в повествования, подчиненные смыслу и целям нарративных образов, основным интерпретативным линиям. Благодаря этому исследователи находят разноплановые контексты, позволяющие понимать данные события как вписанные в многоуровневые смыслы, проистекающие из знаний, используемых читателем. Знаний, привлеченных как из нарратива, так и из знаний, находящихся за пределами.

Бывает так, что на это знание намекает сам автор нарратива, в том числе посредством замечаний, отсылки к полю общих интерпретативных ассоциаций, которые он хотел бы вызвать. А другие замечания содержат указание на то, какие возможные поля ассоциаций он отвергает, предлагает не принимать во внимание. Это вненарративное знание является областью строго определенной, в то время как сфера нарратива организована парадигматически, целостна, за ней стоит влиятельное исследовательское сообщество. Коммуникация и понимание в рамках такого исследовательского сообщества осуществляются спонтанно, но основе автоматически принимаемых конвенций.

Таким образом, вопреки мнению критиков тестовой проверки исторического знания, вопрос о событии не должен быть лишен контекста ни в тесте исключения, ни даже в фактографическом тексте, ибо ответ может основываться на использовании собственного исторического контекста, если подводит «чистая память». Обширное контекстуальное знание может сделать возможным правильный ответ на фактографический вопрос благодаря использованию алгоритма исключения многих данных, описывающих то, что возможно, а что невозможно, в исторически осмысленном повествовании (emplotment).

Я думаю, что многие критические аргументы, сформулированные в антисобытийной, контрфактографически ориентированной историографии, упрощали атаку на событийную или фактографическую историографию, трактуя традиционную историографию номинально, лишая ее имманентно присущей нарративности в представлении событийной реальности.

Примечания

¹ Для меня событие – это пробный камень, и для французского философа – это «*pietre de touche*». «Выбор концепта события в качестве пробного камня обсуждения особенно уместен при изучении вклада французской историографии в теорию истории, поскольку именно критика "событийной истории" играет там известную роль и поскольку эта критика расценивается как отказ от категории рассказа» [Рикер, 1998. С.114]. В первом томе книги «Время и рассказ» среди прочего мы находим обзор подходов с философской и методологической перспектив, а также анализ спора между «старой» и антисобытийной историей в духе «Анналов». Подробнее я говорю об этом в одной из своих книг [Вжосек, 2012].

² По моему мнению, выбор онтологической или эпистемологической модели мышления зависит, пожалуй, от исторической случайности. Зависит от того, в каком интеллектуальном сообществе мы прошли социализацию либо в какой научной школе мы сформировались.

³ Этих «turns» в течение последних ста лет произошло много, а провозглашено еще больше, невозможно их все перечислить. Однако с учетом того, что историческое мышление не изолировано от других способов мышления, следует помнить, что и оно находится под воздействием влиятельных поворотов мысли: «Начиная с лингвистического поворота в литературе по данной теме встречаются многочисленные анонсы происходящего или приближающегося очередного 'поворота' <...> мы уже знаем об антропологическом повороте, культурном повороте, дарвиновском повороте, драматургическом повороте, этическом повороте, иконическом повороте, интерпретативном повороте, повороте к вещам,

нарративном повороте, перформативном повороте, риторическом повороте, топографическом повороте <...>» [Kowalewski, Piasek, 2010, s. 7].

⁴ Эта исходящая из интеллектуального немодернистского и антимодернистского круга мысли перспектива вносит, пожалуй, наибольший вклад в современную рефлексию относительно основ гуманитарного знания, историографии и исторических событий.

⁵ В соответствии с концепцией Т.Фальковского процесс «*évènementialisation*» складывается из четырех процедур: 1) отказа от модели «есть как есть»; 2) создания генезиса, 3) отхода от мультикаузальности в понимании определенного положения вещей; 4) создания контекста в форме многофакторной обусловленности.

⁶ Здесь и далее мы принимаем этот французский термин для передачи польского «*uzdarzowanie*» (прим. переводчика).

⁷ Сторонником проявления умеренности в критике категории события в ходе исторического анализа является также Поль Рикер. Он высказывается за связь идеи квазисобытия с квазиинтригой и квазиперсонажем. Эта ситуация, по мнению французского философа, возникла вместе с появлением структур и вообще – явлений «большой длительности», введенных в исторический нарратив Броделем (и другими «анналистами»). См.: [Рикер, 1998, с. 257–258; Bugajewski. 2002, s. 13–34]

⁸ Foucault M. Op. cit. P. 24–25.

⁹ Эта концепция является основанием той методологии гуманитарного знания, которая с большим успехом развивается в познаньской методологической школе. Как мне представляется, она является реализацией идеи создания методологии науки и гуманитаристики, принадлежащей как отцу-основателю львовско-варшавской школы Казимежу Твардовскому, так и Кажимежу Айдукевичу.

Библиографический список

- Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 391 с.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Кругъ, 2012. 336 с.
- Пятигорский А. Что такое политическая философия. М.: Европа, 2007. 152 с.
- Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университет. книга, 1998. 313с.
- Ajdukiewicz K. Epistemologia i semiotyka // *Przegląd Filozoficzny*. XLIV. 1948. № 3–4. S. 336–347.
- Ajdukiewicz K. Metodologia i metanauka // *Język i poznanie*, t. 2, wybór pism z lat 1945–1963, Warszawa: PWN, 1985. S. 117–126.
- Bugajewski M. Historiografia i czas: Paula Ricoeura teoria poznania historycznego. Poznań, 2002. S. 13–134.
- Le Roy Ladurie Em. L'histoire immobile // *Annales: Economies, Societes, Civilisations*. 1974. Vol. 29, no.3, mai-juin. P. 673–692.
- Falkowski T. Myśl i zdarzenie. Pojęcie zdarzenia historycznego w historiografii francuskiej XX wieku. Kraków: Universitas, 2013. 393 s.
- Foucault M. Dits et écrits. Paris: Gallimard, 1994. Vol. 4. 345 p.
- Kmita J. Jak słowa łączą się ze światem. Studium krytyczne neopragmatyzmu / Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Poznań, 1995. XXII. 262s.
- Kmita J. Z metodologicznych problemów interpretacji humanistycznej. Warszawa: PWN, 1971. 193.
- Kmita J., Nowak L. Studia nad teoretycznymi podstawami humanistyki. Poznań: Powielarnia i Intrologatornia UAM, 1968. 326 s.
- Koselleck R. Podstawowe pojęcia historii. Wprowadzenie // *Semantyka historyczna, wybór i opracowanie* / Hubert Orłowski, tłum. Wojciech Kunicki. Poznań: Poznańskie, 2001. 568 s.
- Ossowska M., Ossowski S. Nauka o nauce. Nauka Polska. 1935. Vol. XX, №3. S. 1–12.
- Zwroty` badawcze w humanistyce. Konteksty poznawcze, kulturowe i społeczno-instytucjonalne / Kowalewski J., Piasek W. *Colloquia Humaniorum*, Olsztyn, 2010. 288 s
- Woleński J. Filozoficzna szkoła lwowsko-warszawska. Warszawa: PWN, 1985. 348 s.
- Wrzosek W. Interpretation of Human Acts. Humanistic Interpretation // *Interpretation in the Humanities* / ed. by T. Buksiński. Poznań, 1990. S. 91–108.
- Wrzosek W. The History Manifesto Jo Guldi i Davida Armitage'a // *Historyka. Studia Metodologiczne*. 2017. T. 47. P. 113–120.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.04.2020

THE ANALYSIS OF CUSTOMARY CONCEPTS AS THE CORE OF SCIENTIFIC METHODOLOGY IN THE LVOV-WARSZAW SCHOOL AND POZNAŃ SCHOOL OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE. THE CONCEPT OF AN EVENT

W. Wrzosek

Adam Mickiewicz University in Poznań, Wieniawskiego str., 1, 61-712, Poznań, Poland
wrzosekster@gmail.com

The pragmatic methodology of empirical sciences proposed by the representatives of the Lvov-Warsaw School of philosophy, Kazimierz Ajdukiewicz and, to an extent, Tadeusz Kotarbiński, postulates the analysis of scientific practices. It prioritizes meta-scientific logical and semiotic analysis over formal and natural sciences, yet its study of concepts remains relevant for empirical sciences. The propositions are justified not just by empirical data or observation statements. An analysis of the concepts of empirical sciences, including social sciences and humanities, defines philosophy of science – applied methodology, in Ajdukiewicz's views. The language of logic and semiotics (the latter is understood as the logical analysis of language) qualifies scientific epistemological presuppositions. An example of such an attitude is Ajdukiewicz's own analysis, and another example in the Poznań school of philosophy of science is the work of Jerzy Kmita (a classic example is his 1995 book "Jak słowa łączą się ze światem"). This is relevant as far as the conceptual context of a denominational "event" predefines our understanding of the reality it points to. A conceptual scheme not only defines one's conceptual view of the world, but also delimits what can be considered as empirical evidence. As a result, it defines the scholarly accepted mode of justification of propositions. In the practice of historical research, the justificat Eion refers to the so called historical sources, that is information used as source data. The article discusses the conclusions of Tomasz Falkowski's book "Myśl i zdarzenie. Pojęcie zdarzenia historycznego w historiografii francuskiej XX wieku".

Key words: Lviv-Warsaw methodological school, Poznań methodological school, methodology of science, applied methodology, historical thinking, the concept of "event", event historiography, counter-factographic historiography.

References

- Ajdukiewicz, K. (1948), "Epistemologia i semiotyka", *Przegląd Filozoficzny*, XLIV, № 3-4, pp. 336-347.
- Ajdukiewicz, K. (1985), "Metodologia i metanauka", (w:) *Język i poznanie*, Vol. II, wybór pism z lat 1945–1963, PWN, Warszawa, Poland, pp. 117-126.
- Bugajewski, M. (2002), *Historiografia i czas: Paula Ricoeura teoria poznania historycznego*, Poznań, Poland, pp. 13-134.
- Falkowski, T. (2013), *Myśl i zdarzenie. Pojęcie zdarzenia historycznego w historiografii francuskiej XX wieku*, Kraków, Poland, 393 p.
- Foucault, M. (1994), *Dits et écrits*, Gallimard, Paris, France, Vol. IV., 345 p.
- Kmita, J. (1995), *Jak słowa łączą się ze światem. Studium krytyczne neopragmatyzmu*, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Filozofii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań, Poland, XXII, 262 p.
- Kmita, J. (1971), *Z metodologicznych problemów interpretacji humanistycznej*, PWN, Warszawa, Poland, 193 p.
- Kmita, J. & L. Nowak (1968), *Studia nad teoretycznymi podstawami humanistyki*, Powielarnia i Intrologatornia UAM, Poznań, Poland, 326 pp.
- Koselleck, R. (2001), "Podstawowe pojęcia historii. Wprowadzenie", *Semantyka historyczna, wybór i opracowanie: Hubert Orłowski, tłum*, Poznańskie, Poznań, Poland, 568 p.
- Le Roy Ladurie, Em. (1974), "L'histoire immobile", *Annales: Economies, Societes, Civilisations*, Vol. 29, no.3, mai-juin, pp. 673-692.
- Ossowska, M. & S. Ossowski (1935), "Nauka o nauc," *Nauka Polska*, Vol. XX, no.3, Warszawa, pp. 1-12.
- Pyatigorskiy, A. (2007), *Chto takoye politicheskaya filosofiya, "Yevropa"* [What is political philosophy, "Europe"], n.p., Moscow, Russia, 152 p.
- Riker, P. (1998), *Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskij rasskaz* [Time and story. Vol. 1. Intrigue and historical story], Universitetskaya kniga, Moscow; St. Petersburg, Russia, 313 p.
- Ven, P. (2003), *Kak pishut istoriyu: Opyt epistemologii* [How History is written: an epistemological experience], Nauchnyy mir, Moscow, Russia, 391 p.
- Vzhosek, V. (2012), *Kul'tura i istoricheskaya istina* [Culture and historical truth], Krug', Moscow, Russia, 336 p.
- Woleński, J. (1985), *Filozoficzna szkoła lwowsko-warszawska*, PWN, Warszawa, Poland, 348 p.
- Wrzosek, W. (1990), "Interpretation of Human Acts. Humanistic Interpretation", in Buksiński, T. (ed.), *Interpretation in the Humanities*, Poznań, Poland, pp. 91-108.
- Wrzosek, W. (2017), "The History Manifesto Jo Guldi i Davida Armitage'a", *Historyka. Studia Metodologiczne*, Vol. 47, pp. 113-120.
- "Zwroty' badawcze w humanistyce. Konteksty poznawcze, kulturowe i społeczno-instytucjonalne" (2010), in Kowalewski, J. & W. Piasek (eds.), *Colloquia Humaniorum*, Instytut Filozofii Uniwersytetu WarmińskoMazurskiego w Olsztynie, Olsztyn, Poland, 288 p.